М. В. Поддубный

ГЕНРИХ ЦЕЙСС И МОСКОВСКИЕ “ГЕРМАНОФИЛЫ” 1920-х ГОДОВ

Теперь, спустя почти полвека после того, как тело Генриха Цейсса навсегда упокоилось в безвестной братской могиле разноплеменных “отходов” Владимирской спецтюрьмы, его можно назвать человеком с посмертной судьбой. Уже в 90-е годы имя Цейсса привлекло внимание нескольких авторитетных исследователей истории медицины [1]; для нас наибольший интерес имела работа проф. Экарта (*Eckart*) о “медицинских” аспектах германо-советских культурных связей 1920-х годов. Вместе с тем, имеются также “связи”, прочно вводящие имя Цейсса в контекст истории науки в СССР и в особенности – истории бактериологии. Мы попытались заполнить биографический пробел в последнем периоде жизни Цейсса и представить его деятельность в Москве, основываясь на документах российских архивов.

Можно предполагать, что опытный бактериолог, но еще мало знакомый с Россией Цейсс был приятно удивлен, застав осенью 1921 года в голодной, пораженной эпидемиями Москве круг интеллектуалов, знакомство с которыми могло состояться на неофициальных приемах в германском посольстве. Глава Наркомздрава Николай Семашко (1874–1949), московские профессора – бактериолог Лев Тарасевич (1868–1927), биофизик Петр Лазарев (1878–1942), химик Оскар Степун (1884–1945), терапевт Дмитрий Плетнев (1873–1941) – все это были преуспевающие в своих научных областях “люди дела” и одновременно носители высокой культуры. С каждым из них у Цейсса вскоре установились деловые и прочные отношения.

В молодой советской, как впрочем и в дореволюционной России, число представителей политического и научного истеблишмента, даже биографически связанных с германской почвой, было огромно. Многие, как Троцкий или Семашко, прошли школу эмиграции в Германии, Австрии или Швейцарии, ряд ученых, особенно среди медиков, учились и стажировались в германских университетах, стремились к общению с немецкими коллегами. Сближение Германии и России после раппальского мира лишь стимулировало имевшиеся тенденции.

Известности Цейсса среди московских медиков не могли не способствовать как возглавляемая им бактериологическая лаборатория германского Красного Креста, так и открывшаяся при ней в феврале 1922 года читальня для врачей и студентов-медиков [2]. Главным и определяющим было несомненно его знакомство с Семашко – “соратником Ленина”, в 1918–1930 гг. возглавлявшим Наркомат здравоохранения страны. Семашко активно поддерживал советско-германские научные инициативы, имел широкие связи среди немецких медиков, именно ему было доверено возглавлять официальную делегацию советских ученых на первой “Неделе советской науки”, проходившей в июне 1927 г. в Берлине.

Семашко являлся и одним из основателей выходившего с 1925 г. *Русско-германского медицинского журнала*. По словам Вейндлинга (*Paul Weindling*) [3], не последнее место среди инициаторов этого издательского проекта принадлежало Цейссу, однако мы не встречаем его имени среди редакторов и авторов журнала. Свет на эту коллизию отчасти проливает письмо официального представителя Наркомздрава в Германии [4] д-ра Гольденберга помощнику Семашко Льву Брусиловскому:

“Быть может, Николай Александрович выдвинет некоторых немецких кандидатов. Во всяком случае редакция очень серьезная. Я бы предложил Форстера. Крауз ничего не будет иметь против дополнительных кандидатов, но передал мне, что Брауэр против кандидатуры Цейсса, если таковая предвидится” [5].

Трудно сказать, знал ли Цейсс об этой интриге, свидетельствующей однако о степени его авторитета среди руководства Наркомздрава. В подтверждение последней мысли сошлемся на обращение гамбургского психиатра д-ра Вейгандта (*Weigandt*) в Наркомздрав о желании посетить СССР, со ссылкой на знакомство автора письма с Бехтеревым, Россолимо и Цейссом [6].

Несомненно, что фундаментом авторитета и влияния Цейсса среди русских коллег были его высокая медицинская квалификация, широкая эрудиция, желание содействовать русско-германскому сближению “*по всем направлениям*”. Еще до прекращения деятельности германского Красного Креста Цейсс выполнил и опубликовал ряд научных разработок о трипановидном и противосвертывающем действии препарата “*Байер-205*” [7]. Соавторами его являлись научный директор Химико-фармацевтического института проф. Оскар Степун [8] и Сергей Брюхоненко (1890–1960) – создатель первого в мире аппарата искусственного кровообращения (награжденный за свое изобретение Ленинской премией через 40 лет после того, как оно было запатентовано и спустя 5 лет после собственной смерти) [9].

Открытый в 1918 г. на базе национализированной лаборатории аптечного товарищества “*Феррейн*” Химико-фармацевтический институт занимал в 20-е годы лидирующее положение в области экспериментальной фармакологии и химиотерапии в СССР. В 1927–1931 гг. при нем действовало

Проф. Генрих Цейс. 1945 г., октябрь. Фото из следственного дела.
Центральный архив ФСБ РФ. Публикуется впервые

ботанико-фармакогностическое отделение, успевшее осуществить несколько научных экспедиций для изучения средств народной медицины в Сибирь, Забайкалье, Бурятию, Киргизию, Абхазию, Среднюю Азию. Часть материалов, в том числе оригинальная монография А. Левчука о кровоостанавливающих и маточных средствах русской народной медицины начиная с 17 века [10] успели выйти из печати до перепрофилирования института в 1931 году. Эта работа упомянута в одном из писем Цейсса Семашко, которое позволю себе привести полностью:

“Глубокоуважаемый господин профессор, при сем передаю Вам мою последнюю публикацию о ‘русской народной медицине’, подготовленную мной вместе с проф. Степуном и одним из его сотрудников. Эта первая статья открывает ряд материалов, которые уже готовятся. Мы надеемся познакомить заграницу с серией историко-медицинских и культурно-исторических материалов из России. Монография о маточных лечебных средствах русской народной медицины готовится (к выходу в свет) в Институте у проф. Степуна. Буду держать вас в курсе дальнейшей работы. С превосходным почтением, всегда преданный Вам Г. Цейсс” [11].

В архивном фонде Наркомздрава удалось обнаружить не менее 15 подобных полуофициальных машинописных посланий Цейсса Семашко за период 1925–1927 гг. по весьма широкому кругу вопросов: о проблемах высшего образования [12], противодействии немецких врачей инициативам гигиенической секции Лиги Наций [13], борьбе со знахарством в Германии [14], закупках оборудования для советских больниц [15], о различных публикациях в германской медицинской печати [16] и др.

Надо полагать, обремененный множеством должностей и обязанностей нарком Семашко ценил такого рода “приватную” информацию достоверного источника. Именно Семашко ходатайствовал, в частности, об аудиенциях Цейсса у Троцкого [17] и наркома просвещения Луначарского [18]. К тому времени даже в официальных документах Наркомздрава Цейсс уже нередко фигурирует под русским именем – “профессор Андрей Львович Цейсс” [19], а сам он в заявке на участие в юбилейном издании Гамбургского тропического института называет себя русским ученым [20].

Назначение Цейсса в октябре 1924 года хранителем создаваемой при Институте контроля сывороток и вакцин Всесоюзной микробиологической коллекции не могло состояться без участия директора этого института проф. Л. А. Тарасевича, пожалуй самой яркой и популярной фигуры медицинского мира тогдашней России. После самоубийства Тарасевича в 1927 г. Цейсс откликнется прочувствованным некрологом (к сожалению, опубликованным только по-немецки) [21], а спустя еще несколько лет посвятит свою фундаментальную монографию о Мечникове “памяти любимого ученика Мечникова – Льва Александровича Тарасевича” [22].

К тому времени, когда в 1924 году проходилный в Ленинград 8-й съезд Бактериологов и эпизооциологов, я решил описать в журнале Биологической коллекции, в мире имелось несколько подобных собраний: Пастеровского института в Париже, Музея естественной истории в Нью-Йорке, Национальное собрание культур в Лондоне, зоологические коллекции в Берлине, Гамбурге и Вене. В России, где существовали древнейшие коллекции животных пострадали в первую очередь в результате войны, когда почти без остатка были уничтожены все зоологические коллекции. Бактериология требовала ускорения единой работы по созданию единой культуры микроорганизмов. Ученые, работающие в области бактериологии, требовали тесного сотрудничества.

Проф. Оскар Степун. Рисунок на листе блокнота. 1934 г., Москва.
Публикуется впервые

Проф. Оскар Степун (в центре) с группой сотрудников Института функциональной диагностики и экспериментальной терапии. 1934 г., Москва.
Публикуется впервые

К тому времени, когда в 1924 году проходивший в Ленинграде 8 съезд бактериологов и эпидемиологов принял решение о создании Всесоюзной микробиологической коллекции, в мире имелось несколько подобных собраний: Пастеровского института в Париже, Музея натуральной истории в Нью-Йорке, Национальное собрание культур в Лондоне, аналогичные коллекции в Берлине, Гамбурге и Вене. В России, где несколько дореволюционных коллекций жестоко пострадали в период войны и революции, немыслимый без широких сравнительных исследований прогресс микробиологии требовал учредить единый центр по хранению живых культур микроорганизмов. Условием деятельности подобного учреждения являлось тесное сотрудничество ученых разных регионов и стран. Таким образом, от назначения Цейсса хранителем коллекции выигрывала в целом микробиологическая наука в СССР, и это прекрасно понимали Семашко и Тарасевич.

“...Музей снова обращает внимание, что через него можно выписывать откуда угодно (из-за границы) необходимые для изучения и сравнения штаммы и просить всех коллег широко пользоваться и оповещать об этом” [23], – неоднократно напоминал Цейсс русским коллегам в специальной печати. Помощь научным исследованиям в области микробиологии не ограничивалась координированием работы или предоставлением различных штаммов. Согласно сохранившимся таможенным документам, на имя Цейсса из Германии в Россию отправлялись посылки с химиопрепаратами и реактивами, пересылаемые им затем в исследовательские институты СССР [24]. Это был плодотворный период деятельности Цейсса, уже выпустившего свою первую монографию по истории медицины [25], получившего профессорское звание и активно продолжавшего исследовательскую работу ученого-бактериолога. Прочитируем сообщение одной из берлинских газет о работах Цейсса по изучению верблюжьего трипаносомиаза:

“Вскоре после начала войны в юго-западной России началась эпидемия верблюжьего трипаносомиаза, причиняющая большие убытки. В последнее время эпидемия усилилась и приводит к большим затруднениям среди немецких крестьян в Поволжье, использующих лошадей и верблюдов. В минувшем году Саратовский институт микробиологии с участием профессоров Иловайского и Цейсса проводил исследования течения и лечения этого заболевания. Немец, зав. отделом Московского пастеровского института Др. Цейсс по поручению Саратовского института и при поддержке ряда германских научных обществ дважды побывал в регионе между Саратовым и Астраханью, где изучал годовое течение и пути передачи заболевания в Республике немцев Поволжья. Из эпидемических районов проф. Цейсс привез материал, имеющий практическое и научное значение. Значение его поездок также заключается в том, что немцы-крестьяне с Волги лучше познакомились с немецкими методами лечения” [26].

Призванием, требовавшим свободного времени, была для Цейсса история медицины, и мы должны с благодарностью вспомнить его не только как автора научной биографии И. И. Мечникова, но и как исследователя, впервые в России озвучившего идею необходимости создания общества по изучению истории медицины и исследовательского института в этой области [27]. Детально описанная 70 лет назад программа, к сожалению, до сих пор остается в нашей стране нереализованной. Не меньший интерес представляют опубликованные материалы доклада Цейсса на заседании Германского общества истории медицины и естествознания в Кенигсберге 6 сентября 1930 года. Не без легкой иронии сообщает он о том, что ... *“назван будущим руководителем отдела истории медицины Института социальной гигиены. Это исходившее от уважаемого наркома Семашко предложение невозможно осуществить, так как для руководства отделом, занимающимся изучением истории, отныне могут допускаться только сведущие в диалектическом и историческом материализме члены компартии”* [28].

Можно добавить, что отдел истории медицины в Институте социальной гигиены – первая научная структура по изучению истории медицины в нашей стране был в действительности создан в 1944 году.

В то время, когда Цейсс развивал перед коллегами в Кенигсберге положения своего доклада о необходимости более углубленного *“изучения германского культурного влияния в различные периоды русской истории”*, [29] последняя вступала в одну из своих самых трагических фаз.

В сентябре 1930 г. ОГПУ арестовало ряд научных сотрудников Московского института инфекционных болезней им. И. И. Мечникова во главе с проф. Сергеем Коршуном – преемником Л. А. Тарасевича и крупнейшим бактериологом страны, вскоре умершим в тюрьме. В разных городах были арестованы ведущие ученые в области микробиологии и эпидемиологии, что явилось тяжелым ударом для многих научных школ. Словно невидимая рука подвела черту под интенсивным развитием многих научных направлений [30]. Тогда же, осенью 1930 г. Цейсс был уволен с советской службы.

О начавшейся в 1929 г. волне репрессий против научной интеллигенции существует уже обширная литература. Можно лишь констатировать, что по отношению к ученым-микробиологам репрессии были и последовательны, и жестки. Невидимость, неконтролируемость объекта научных исследований, его способность являться источником опасных болезней и эпидемий фатально предопределяли подозрения по отношению к обладателям знания в этой области. Другим объектом тотальной подозрительности были в сталинскую эпоху иностранцы. Мог ли Цейсс не попасть в поле зрения ОГПУ? Конкретно в связи с Цейссом в августе 1930 г. были арестованы его личный секретарь Лидия Гинц (род. 1885) и научный директор Химико-фармацевтического института проф. Оскар Степун.

Группа участников Международной конференции по малярии во дворе Института им. Мечникова. В центре сидят профессора Н. А. Семашко, Бернхард Нохт (Германия), Л. А. Тарасевич. За спиной проф. Нохта стоит Генрих Цейсс. Москва, июль 1924 г.

В их показаниях за 3-х месячный период имеется одно несомненно общее. Заверенные ведшими это дело следователями особого отдела ОГПУ Розенфельдом и Мандельштамом протоколы допросов отражают, как с августа по октябрь Цейсс превращался в ответах подследственных из простого и безобидного *“носителя пангерманских идей”* в создателя *“сети шпионской агентуры”*. Однако даже после получения таких показаний Цейсс оставался на свободе и был выслан из СССР только спустя 1,5 года.

Показания Гинц в основном сводятся к характеристике круга знакомств Цейсса, где фигурируют имена многих крупнейших советских ученых-медиков. На последнем допросе она уже характеризует Цейсса как *“политического агента Германии”*, *“организатора контрреволюционных элементов среди русского научного мира”* и *“шпиона”*, приводя в подтверждение, например, такие свои наблюдения: *“...сопоставляя положительные сводки в советской прессе с неофициально полученными им данными по тем же предприятиям, которые опровергали официальные сообщения, Цейсс делал иронические замечания по этому вопросу, указывая на то, что данные в советской прессе часто не соответствуют действительности ... Он считал все крестьянство разоренным, виновной в этом считал политику, проводящую принудительную коллективизацию, предсказывал, в связи с этим, экономический крах Советской страны, являющейся аграрной. Особенно он интересовался вопросом степени реальности пятилетнего плана. Восхищаясь объемом и размахом плана, он иронически относился к возможности осуществления такового, а иногда прямо говорил, что план это миф, что советская власть с этим делом никогда не справится, что для этого надо пригласить несколько крупных немецких фирм, сдать ряд областей немцам в концессию и тогда, может быть, при помощи немцев что-нибудь получится...”* [31].

Методы следствия в 1930 году были значительно мягче применявшихся спустя несколько лет, и показания Степуна в основном сводятся к утонченно-покаянным рассуждениям о перерастании под влиянием Цейсса его *“германофильских убеждений”* в *“пангерманскую деятельность”*: *“...Цейсс включил меня в линию своей работы, в области которой я подпал под его влияние. Я нигде и никогда не скрывал, что я являюсь германофилом и стремился практически к объединению германо-русской науки. Я считал, что русская наука со своими ограниченными научными кадрами и возможностями в известных областях не способна справиться с огромным обилием научных проблем, для разрешения которых необходимо привлечь к работе германских ученых и специалистов ... Подводя итоги своему германофильству и деятельности, должен прийти к выводу, что если я добивался признания научной мысли Германии, то Цейсс стремился использовать это стремление в смысле подчинения русской науки германской, которую он вообще ставил на службу политическим интересам Германии – в этом первый результат влияния Цейсса.*

Отмечая заинтересованность Цейсса к привлечению германских специалистов в Советский Союз вообще, он идеологически поддерживал мысль о создании учреждений смешанного типа (германские плюс советские ученые), которые с его точки зрения были опорными пунктами для развернутой пангерманской работы, я же видел здесь не политику, а науку и прежде всего германскую науку” [32].

О дальнейшей судьбе Степуна известно немного. В конце октября 1930 года он был выпущен на свободу, после чего устроился на работу в возглавляемый Д.Д.Плетневым Институт функциональной диагностики и экспериментальной терапии. Впоследствии несколько раз арестовывался и умер в ссылке от приступа аппендицита в начале 1950-х годов.

Вряд ли Цейсс слышал что-то о Степуне или Гинц в Германии после февраля 1932 года, когда он был выслан из СССР. В запасе у судьбы оставалось продолжение карьеры, монография о Беринге, должность генерала и – драматический перелом, поворот, за которым открылся последний трагический акт.

14 сентября 1945 г. Цейсс был арестован органами НКВД в собственной берлинской квартире на Зиглиндштрассе 5. “Постановление о задержании” уже содержало готовую формулу обвинения, вписанную туда производившим арест старшим лейтенантом Михеевым:

“Цейсс с 1921 года до 1932 года находился в служебной командировке в СССР, где вел активную разведывательную работу, для этой цели привлёк ряд научных работников” [33].

Ордер на арест и обыск был выписан только 4 ноября 1945 года, вскоре после перевода Цейсса в Москву и подписан заместителем Берии Кобуловым [34].

Известно, что уже покинувший СССР Цейсс продолжал фигурировать в документах НКВД в качестве “шпиона” вплоть до начала войны с Германией [35]. На допросах 14 и 20 сентября 1945 года он среди прочего признал, что создал в Советском Союзе “шпионскую сеть”, в которую входило до 40 агентов [36]. Однако на следующем допросе, производимом уже генерал-майором Петровским, Цейсс отказался от предыдущих показаний:

“Названные мною лица на допросах 14 и 20 сентября 1945 г. не являются агентурой, якобы завербованной для шпионской работы. Все эти лица известны мне как советские научные работники медицины, с которыми я имел связь научного характера. Шпионажем я не занимался и никого не привлекал для разведывательной работы в пользу Германии... Сведения об инфекционных заболеваниях я получал от советских научных работников медицины официально по разрешению бывшего наркомздрава СССР Семашко” [37].

В том, что данные о инфекционной заболеваемости в СССР в 20-е годы были открытыми легко убедиться, просмотрев в архиве ежемесячные сводки статистического бюро Наркомздрава [38]. Сам Цейсс на основании подобных документов неоднократно публиковал в германских журналах, например, статьи о чуме в СССР [39]. В свою очередь представитель Наркомздрава в Германии пересылал в Москву регулярные сводки о динамике холеры и тифа в Германии [40]. Однако подобные тонкости абсолютно не интересовали следствие. Цейсс не раз повторял следователю, что вся собираемая им информация о здравоохранении являлась открытой и что никто из советских ученых не знал о том, что сведения передаются им в германское посольство [41].

В "Анкете арестованного" помечено, что Цейсс поступил во внутреннюю тюрьму НКГБ СССР из Берлина 31 октября 1945 г. [42] Уже на следующий день он был переведен в больницу Бутырской тюрьмы в связи с симптомами болезни Паркинсона, течение которой в дальнейшем прогрессировало.

"...Нуждается в длительном больничном лечении. Допрашивать можно, но в течении короткого времени (1–1,5 часа)" [43], – записал служитель Гиппократ в справке для следствия. В больнице Цейсс продолжал находиться и к моменту вынесения обвинительного заключения [44].

Несколько имеющихся протоколов допросов Цейсса на Лубянке не слишком оригинальны. Так, он пытается объяснить следователю, что культура туляремии, действительно переданная им в 1929 г. в Германию представляет интерес исключительно с научной точки зрения и не могла служить бактериологическим оружием [45]. Его ответ на повторяющиеся вопросы о существовании шпионской организации оставался тверд на всех допросах:

"Я говорю правдиво, что советских ученых я не вербовал и никаких антисоветских организаций из числа знакомых мне бактериологов я не создавал" [46].

Следствием, кроме того, копировались показания против Цейсса, содержащиеся в архивных следственных делах. К его делу приобщены заверенные копии допросов арестованных ранее ученых, в которых он фигурирует в качестве все того же "обер-шпиона". Речь идет о показаниях профессора-бактериолога Владимира Любарского (род. 1881) [47], научного сотрудника Флориана Рише (род. 1899) [48], профессора-микробиолога Оскара Гартоха (1881–1942) [49]. Полагаю, мы не имеем морального права комментировать подобные документы. Нет сомнения, что они были получены под диктовку следователя и с применением незаконных методов, как это констатировано и в недавнем решении Главной военной прокуратуры о реабилитации Цейсса [50].

Орган НКГБ

4а
Передавать анкету для заполнения арестованному — запрещается. Заполняется со слов арестованного и проверяется по документам.

Анкета арестованного

1. Фамилия, имя и отчество.	Генрих Львович
2. Год и место рождения.	1888 г. Франкфурт на Майне
3. Постоянное место жительства до ареста (подробный адрес).	2 Берлин Сигалинштрассе д. 5 село, деревня, улица, дом №, квартира район область, край
4. Профессия и специальность.	Профессор химии
5. Последнее место работы или род занятий до ареста. Если не работал, когда и откуда уволен.	Профессор Берлинского Университета химии
6. Национальность.	немец
7. Гражданство (при отсутствии паспорта указать, какой документ удостоверяет гражданство или записано со слов).	а) гражд. (подд.) немецкое б) паспорт серии № выдан
8. Партийность.	из НСРП с 1931 г. года
9. Образование общее и специальное (подчеркнуть) и указать что закончил.	высшее, среднее, низшее специальное
10. Социальное и политическое прошлое.	сын тифлового
11. Судимость (состоял под судом и следствием, где, когда, за что, приговор).	

Анкета арестованного

12. Участие в отечественной войне (где, когда, в качестве кого).	
13. Был ли на оккупированной территории противником (указать: где, когда, что делал).	

14. СОСТАВ СЕМЬИ

Степень родства	Фамилия, имя, отчество, год и место рождения	Место жительства, работы и должность
Отец	Ушер 1920г.	
Мать	Ушера 1932г.	
Жена (муж)	Уше Луиза Адамовна 1886г.	2. Берлин евангелистическая д. 5
Дети	Уше Катерина Генриховна 1926г.	1. неизвестно: 28г.
Братья, сестры	Уше Август Мов. 1890г.	эмигрировал на Ланс

Анкета арестованного (продолжение)

15. СЛОВЕСНЫЙ ПОРТРЕТ (нужное подчеркнуть)

1. Рост: высокий (171—180 см), очень высокий (свыше 180 см), низкий (155—164 см), очень низкий (до 154 см), средний (165—170 см).

2. Фигура: толстая, полная, средняя, худощавая, тонкая.

3. Плечи: приподнятые, опущенные, горизонтальные.

4. Шея: короткая, длинная, заметен яоб, выступает кадык.

5. Цвет волос: белокурые, светло-русые, русые, темнорусые, черные, рыжие, с проседью, седые.

6. Цвет глаз: голубые, серые, зеленые, светлокоричневые, карие, черные.

7. Лицо: круглое, овальное, прямоугольное, треугольное, пирамидальное, ромбовидное.

8. Лоб: высокий, низкий, прямой, скошенный, выступающий.

9. Брови: прямые, дугообразные, извилистые — широкие, узкие, сросшиеся.

10. Нос: малый, большой — толстый, тонкий, широкий. Складка носа: вогнутая, прямая, выпуклая с горбинкой. Основание носа: приподнятое, горизонтальное, опущенное.

11. Рот: малый, большой. Углы рта: опущены, приподняты.

12. Губы: тонкие, толстые, отвисшие. Нижняя губа, приподнятость верхней.

13. Подбородок: скошенный, прямой, выступающий, раздвоенный, с ямкой, с поперечной бороздой.

14. Уши: малые, большие — овальные, треугольные, квадратные, круглые. Оттопыренность ушей: верхняя, нижняя, общая. Мочка уха: сросшаяся, отдельная, наклонная, угловатая, овальная.

16. Особые приметы

Физические недостатки: увечья, повреждения;

приметы: наросты, бородавки, лишние пальцы, пятна, рубцы, шрамы, болезненные

движения тела, неслышимость, асимметрия лица, разноцветность глаз и другие

татуировки (описание)

17. Прочие особенности и привычки

картает, выкидывает, грызет ногти,

различные пальцевые манипуляции, жестикулирует (указать как), автоматизм,

хрипит, спячивает и т. д. и т. п.

18. Когда арестован 14/12 1945 г. ордер №

19. Основание ареста — указать наименование документа, орган и дату

20. За кем зачислен

Гриб-31/8-452 из Берлина

Анкета арестованного (продолжение)

Анкета заполнена в присутствии пр. В.М. Митро Н.К.Г.Б. СССР
указом Президиума Верховного Совета СССР

Город, село, ж.-д. ст. Мценск

Кем зам. Я.П.Н. В.М.

Смирнов

Должность, звание, фамилия

Подпись В.М.

(отпе

(от одной кромки ногтя до другой)

Личная подпись
(арестованного)

Анкета арестованного (заключение)

Исп. вх. №

ГЕНЕРАЛЬНАЯ ПРОКУРАТУРА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ГЛАВНАЯ
ВОЕННАЯ ПРОКУРАТУРА**

№ 3 " марта 1995 г.
№ 5уд-34259-45

103160, Москва, К-160

На Ваш исх. № 10/а-4343 от 29.09.1994г.

При ответе сослаться
на наш номер и дату

2 марта 1995 г. Главной военной прокуратурой на основании изучения архивного уголовного дела в соответствии со ст. 3 п. "а" Закона Российской Федерации "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18 октября 1991 г. принято решение о реабилитации гражданина Германии Цейсса Генриха.

Справка о его реабилитации для вручения заинтересованным в этом лицам передана в Консульско-правовой отдел Посольства ФРГ.

Другие интересующие вопросы Вы можете истребовать в Центральном архиве ФСК Российской Федерации (г. Москва, ул. Лубянка, дом 2), по месту хранения дела.

Старший военный прокурор
отдела реабилитации

С.И.Твердохлебов

Справка Главной военной прокуратуры Российской Федерации
о реабилитации Генриха Цейсса. 1995 г.

Единственный из приобщенных к делу более поздних документов – протокол допроса бывшего канцлера германского посольства в Москве Иоганна Лямля, в котором Цейсс выступает в качестве одного из фигурантов: *“Насколько мне известно, все германские подданные, находящиеся в Сов. Союзе, при посещении посольства давали сотрудникам посольства известные им негласные сведения о Советск. Союзе. В частности, мне известно, что негласные сведения о Сов. Союзе часто давали Ратц – руководитель концессионной фабрики “Хлородонт”. Ратц по национальности еврей, подданный Латвии. Инженер Бергман работал на московском железнодорожном узле по электрофикации. Кремер – химик, работал в одном из НИИ в Москве. Профессор Цейсс, работал в бак. институте. Доктор Линк, частный немецкий врач в Москве...”* [51].

За почти 3 года следствия Цейсса допрашивали всего 11 раз и причина того была вряд ли его действительно тяжелая болезнь. В деле отсутствуют документы, подтверждающие что он брал сведения о инфекционных заболеваниях в России из закрытых источников, нет и никаких заключений экспертов о секретности подобных сведений или вредных последствиях для СССР каких-либо действий Цейсса. Следствие не считало нужным допросить часто упоминаемого в ответах Цейсса бывшего наркома Семашко, жившего в двух шагах от Лубянки. Вероятно это отвлекло бы академика, орденосца и депутата от писания мемуаров о “революционном прошлом”, но возможно дало бы следствию новые факты. Ничего подобного сделано не было.

В день окончания следствия Цейсс признал себя виновным в том, что передавал в германское посольство получаемые из открытых источников сведения об эпидемических заболеваниях, здравоохранении и материальном положении населения в СССР, здесь же заметив: *“...Но никого из советских ученых я не вербовал для шпионской работы против СССР и сведения по интересующим меня вопросам получал, имея с ними связь по служебной и научной деятельности”* [52].

Постановление следствия о предложенных в качестве наказания за *“создание антисоветской шпионской и диверсионной организации”* 25 годах тюремного заключения было “проштемпелевано” решением Особого совещания при МГБ СССР 10 июля 1948 года [53]. Спустя 20 дней заключенный Цейсс из больницы Бутырской тюрьмы был переведен во Владимирскую тюрьму, где сразу помещен в тюремную больницу.

Единственный из имеющихся документов от периода пребывания Цейсса в тюрьме – Акт о смерти, подписанный пятью тюремными медиками. Из одностороннего документа можно узнать, что *“... заключенный ходил плохо, с помощью сокамерника. Требовал за собой постоянного ухода (кушать, ходить на судно, умываться, мыться и т. п.) ... Смерть заключенного Цейсс наступила 31 марта 1949 года вследствие упадка сердечной деятельности на почве казеозной пневмонии, старческой дряхлости и болезни Паркинсона”* [54].

Так, – может беспристрастно констатировать историк, – Цейсс в полной мере разделил судьбу некоторых репрессированных ранее его московских друзей. Среди них, например, блестящие русские профессора – терапевты Плетнев и Фромгольд, чьи биографии изданы, но чьих могил мы не знаем. Для них, как и для многих российских ученых того времени Германия была подлинной “второй родиной”, а залогом прогресса науки в собственной стране им виделось всемерное укрепление русско-германских связей.

Для Цейсса служение Германии, как он его понимал и осуществлял, было равноценно пронесенной через всю жизнь религиозной идее. Когда он в 1945 году остался в советской зоне оккупации, Германия пережила такую катастрофу, в сравнении с которой катастрофа собственной жизни могла казаться не слишком грандиозной. Возможно это добавляло ему сил мужественно держаться на следствии: ведь разделить судьбу Отечества – не худший удел для национального самосознания.

Примечания и литература

1. *Heinz und Waltraud Müller-Dietz*. Bemerkungen zu der Metschnikow-Biographie von H. Zeiss // *Acta Medico-Historica Rigensia*. – Riga, 1992. – I (XX) – S. 32–39; *Weindling Paul*. Heinrich Zeiss, Hygiene and the Holocaust // *Doctors, politics and society: historical essays* (Clio Medica 23). – Amsterdam; Atlanta, 1993. – S. 174–187; *Eckart Wolfgang U.* Medizin und auswärtige Kulturpolitik der Republik von Weimar (Deutschland und die Sowjetunion 1920–1932) // *Medizin, Gesellschaft und Geschichte: Jahrbuch des Instituts für Geschichte der Medizin der Robert Bosch Stiftung*. – Stuttgart, 1993. – Bd. 11. – S. 107–143.
2. *Deutsche medizinische Wochenschrift*. – 1922. – № 8. – S. 267.
3. *Weindling Paul*. German-Soviet Medical Co-operation and the Institute for Racial Research. – 1927– C. 1935; *German History*. – 1992. – Vol. 10. – № 2. – S. 183.
4. В тот период (до 1930 г.) официальные представительства Наркомздрава кроме Германии действовали также во Франции и США. В Англии и Италии та же работа выполнялась представителями Российского общества Красного Креста.
5. Гольденберг – Брусиловскому (русс. яз.). Берлин, 12 августа 1925. – Гос. архив Российской Федерации (далее ГАРФ) – Ф. 482, Оп. 35, л. 125, л. 346.
6. *Weigandt – Семашко* (нем. яз.): Гамбург, 9 июня 1926. – Там же. – Д. 173, л. 111.
7. *Стенун О., Цейсс Г., Брюхоненко С.* Биохимические исследования о трипановидном средстве “*Bayer-205*” // *Труды Научного химико-фармацевтического ин-та*: Вып. 3. – М., 1923. – С. 49–52; то же: *Arch. f. Schiff. u. Trop. hyg.* 27.–1923; Сравни.: *Arch. f. Schiff. u. Trop. hyg.* 25–1921.
8. Сравни. *Eckart*, *Medizin* (1993). – S. 114.
9. Большая медицинская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 3. – С. 480–481.

10. Левчук А. П. Кровоостанавливающие и маточные средства // Труды Научного химико-фармацевтического института: Материалы к изучению народной медицины. – М., 1927. – Вып. 15. – 86 с.
11. Цейсс – Семашко (нем. яз.): Москва, 9 октября 1926. – ГАРФ. – Ф. 482, оп. 35, д. 114, л. 218; Вероятно речь идет о публикации в: Arch. f. Gesch. d. Med. 18. – 1926. – S. 261–266.
12. Цейсс – Семашко (нем.яз.): Москва, 3 апреля 1926. – ГАРФ. – Там же, д. 168, л. 310.
13. Цейсс– Семашко (нем.яз.): Москва, 5 декабря, 1925. – Там же, д. 116, л. 311.
14. Цейсс – Семашко (нем. яз.): Москва, 15 января 1926. – Там же, д. 129, л. 285.
15. Цейсс – Семашко (нем. яз.): Москва, 3 апреля 1926. – Там же, д. 168, л. 308.
16. Цейсс – Семашко (нем.яз.): Москва, 16 сентября 1925. – Там же, д. 115, л. 236; 7 июня 1926. – Там же, д. 170, л. 273.
17. Письмо Наркомздрава в секретариат Льва Троцкого 4 января 1926. – Там же, д. 112, л. 218.
18. Цейсс – Семашко (нем. яз.). Москва, 3 апреля 1926. – Там же, д. 168, л. 310.
19. Письмо Наркомздрава (подпись Н.А.Семашко) в Моссовет от 15 июля 1926. – Там же, д. 197, л. 123.
20. Цейсс – Семашко (нем. яз.): Москва, 26 ноября 1925. – Там же, д. 115, л. 220.
21. Münchener Medizinische Wochenschrift (далее MmW). – 1928. – № 5. – S. 227–228.
22. Zeiss H. Elias Metschnikow Leben und Werk. – Jena, 1932. – 196 S.; Сравни. Müller-Dietz, Bemerkungen (1992). – S. 33.
23. Вестник микробиологии и эпидемиологии (Саратов) – 1925. – Т. 4. – Ч. 4. – С. 122; Сравни. Pr.-doz. Zeiss H. Die Gründung der Allrussischen mikrobiologischen Sammlung in Moskau // MmW. – 1925. – № 13. – S. 523–524; Также // Врачебное дело. – 1925. – № 12–14. – С. 1049–1050; Гигиена и эпидемиология. – 1925. – № 1. – С. 181.
24. Письмо главного таможенного комитета: Москва, 7 октября 1925. – ГАРФ. – Ф. 482, оп. 35, д. 115, л. 235; Гальденберг – в Наркомздрав: Берлин, 20 мая 1925; Там же. – Д. 115, л. 237; 25 июня 1925. – Там же. – Д. 127, л. 345.
25. Zeiss H. Otto Obermeier: Die Entdeckung von fadenförmigen Gebilden im Blut von Rückfallfieberkranken (1873). – Leipzig, 1926. – 52 S.
26. Deutsche Medizin in der Wolgarepublik // Berliner Börsenzeitung. – 27 August 1926; Сравни. Eckart. Medizin (1993). – S. 115–116.
27. Zeiss H. Die Notwendigkeit der Gründung einer Russischen Gesellschaft für Geschichte der Medizin und Naturwissenschaften (und eines Forschungsinstituts) // Mitteil. z. Gesch. d. Med. u. d. Naturwissensch. – 1927. – Bd. 26. – Hf. 3. – S. 227 – 231; То же: Врачебное дело. – 1928. – № 6. – С. 435–436; Сравни. Müller-Dietz. Bemerkungen (1992). – S. 32–39.
28. Zeiss Heinz. Arbeitsplan des neugegründeten Moskauer Forschungsinstituts für Geschichte und Methodologie der Medizin // Sudhoffs Archiv für Geschichte der Medizin. – Leipzig, 1931. – Bd. 24. – Hf. 2. – S. 258.

29. Там же. – С. 260.
30. Сравн. Васильев К. Г. Трагедия русской микробиологии // *Acta Medico-Historica Rigensia*. – Riga. – I (XX) – 1992. – С. 281; Ульякина Т. И. Зарождение иммунологии. – М.: Изд. “Наука”, – 1994. – С. 242–252.
31. Копия протокола допроса Гинц: 29 октября 1930. – Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (Далее ЦА ФСБ), N Н-19503 (Следственное дело Цейсса), л. 186об; То же в: Следственное дело Гинц: ЦА ФСБ, N 553900, – Том 15.
32. Копия протокола допроса Степуна: 20 августа 1930. – ЦА ФСБ, N Н-19503, л. 161 об; То же в: Следственное дело Степуна: ЦА ФСБ, N 553900, Том. 14.
33. Постановление о задержании Цейсса: Берлин, 14 сентября 1945. – ЦА ФСБ, N Н-19503, л. 1.
34. Ордер N 2590 на производство ареста и обыска. Москва, 4 ноября 1945. – Там же, л. 4.
35. Сравн. Müller-Dietz. Bemerkungen (1992). – С. 36.
36. Протоколы допросов Цейсса 14 и 20 сентября 1945. – Там же, л. 11–28об.
37. Протокол допроса Цейсса 19 октября 1945. – Там же, л. 36.
38. Сравн.: Бюллетень движения заразных заболеваний в СССР за апрель 1927 г. – ГАРФ. – Ф. 482, оп. 35, д. 193, л. 41–42.
39. Сравн.: Zeiss H. Zur Seuchenlage in Russland // *MmW.* – 1925. – Nr. 24. – С. 991–992; Zeiss H. Die Pest in Russland // *MmW.* – 1925. – Nr. 33. – С. 1392–1394; *MmW.* – 1926. – Nr. 10. – С. 411–412; *Mmw.* – 1926. – Nr. 52. – С. 2219–2221; *MmW.* – 1928. – Nr. 6. – С. 271–273.
40. Письмо представителя Наркомздрава в Германии в Бюро заграничной санитарной информации Наркомздрава: Берлин, 17 мая 1923. – ГАРФ. – Там же, д. 58, л. 332.
41. Напр.: Протокол допроса Цейсса 26 окт. 1945. – ЦА ФСБ. – Там же, л. 45.
42. Анкета арестованного. – Там же, л. 46.
43. Справка санитарной части Бутырской тюрьмы: 27 ноября 1947. – Там же, л. 147.
44. Справка санитарной части Бутырской тюрьмы о полной нетрудоспособности Цейсса: 2 июля 1948. – Там же, л. 195.
45. Протокол допроса Цейсса. 14 июля 1946. – Там же, л. 123–124.
46. Протокол допроса Цейсса: 4 мая 1948. – Там же, л. 139.
47. Копия протокола допроса Любарского: 22 декабря 1938. – Там же, л. 170–173.
48. Копия протокола допроса Рише: 26 января 1939. – Там же, л. 165–167 об.
49. Копия протокола допроса Гартоха: 4 октября 1941. – Там же, л. 176–178. Гартох неоднократно стажировался в германских исследовательских центрах. Его весьма высоко ценил проф. Колле, о чем свидетельствуют письма, напр.: Колле – Семашко, (нем.яз.), Франкфурт на Майне, 17 апреля 1923. – ГАРФ. – Ф. 482, оп. 35, д. 58, л. 253.

50. Заключение Главной военной прокуратуры РФ от 3 марта 1995 г. по архивному уголовному делу N Н-19503 в отношении Цейсса Генриха. – ЦА ФСБ. – Там же, л. 207–209.
51. Копия протокола допроса бывшего канцлера германского посольства в Москве Иоганна Лямля от 2 июня 1947 г. – Там же, л. 160.
52. Протокол допроса Цейсса. 24 июня 1948. – Там же, л. 155.
53. Обвинительное заключение по делу Цейсса от 26 июня 1948 г. – Там же, л. 196–199.
54. Акт о смерти от 31 марта 1949 г. – Там же, л. 202.

Heinrich Zeiss und die Moskauer “Deutschenfreunde” in den 1920er Jahren (Zusammenfassung)

Michail W. Poddubny

Wir versuchten einige biographische “weise Flecken” über die letzte Lebensperiode von Zeiss auszufüllen. Seine Tätigkeit in Moskau haben wir auf gewisse Dokumente der Russischen Archiven gestützt. In den Archiven des Volkskommissariat’s für Gesundheitswesen (Narkomsdraw) hat es uns gelungen etwa 15 halboffizielle Briefe, die Zeiss an Semaschko geschrieben hat in der Periode 1925–1927, zu finden.

Wir bedenken Zeiss nicht nur als Medizinhistoriker der eine hervorragende wissenschaftliche Biographie des russischen Nobelpreisträger Metschnikow geschrieben hat, sondern auch als einen Wissenschaftler, der als Erster in Rußland die Idee über Begründung der Gesellschaft und eines Forschungsinstitutes für die Geschichte der Medizin motiviert hat.

Wir haben festgestellt, daß die Repressionsmaßnahmen gegen Zeiss konsequent und brutal waren. Jeder, der über die Quellen der gefährlichen Krankheiten und Epidemien Kenntnisse besaß, und Zeiss war derjenige, war in Verdacht, dazu war in Stalinszeit jeder Ausländer verdächtig. Im August 1930 wurde in Verbindung mit der “Zeiss-Sache” seine persönliche Sekretärin Lidija Hinz und der wissenschaftlicher Direktor des Chemisch pharmazeutischen Forschungsinstitutes Prof. Oskar Stepun арретиет и ins Gefängnis geworfen.

Am 14 September 1945 wurde Zeiss in seiner Berliner Wohnung Siglindstrasse 5 durch NKWD арретиет. In fast drei Jahren der Untersuchung wurde Zeiss nur 11 mal ins Verhör genommen, seine wirklich schwere Krankheit wurde immer schlechter. In der Sache von Zeiss sind keine Tatsachen vorhanden die beweisen könnten, das Zeiss irgendwelche geheime Information veröffentlichte oder sein Handeln könnte welche schädliche Folgen für die UdSSR haben. Das Einzige, was vorhanden ist aus der Periode, die Zeiss im Gefängnis verbracht hatte, ist das Todesprotokoll, welches fünf Gefängnisärzte unterschrieben haben.

Михаил Владимирович Поддубный, канд. мед. наук
ул. Плеханова, д. 22., корп. 1., кв. 104, Москва 111398, Россия